

В резиденции великого наставника солнце уже стояло высоко. Слуги-евнухи, исполнившие наказание, только что удалились. Сунь Мэй, лежа на кровати, всхлипывала, веля служанке наложить ей мазь.

За ширмой сидел Сунь Юй.

— Хватит реветь!

Сунь Мэй тут же залилась новыми рыданиями:

— А-а-а!!!

Гунцзы Юй, согревая руки над жаровней, произнёс спокойно:

— Старший евнух Цзо, проводивший наказание, — человек Драгоценной наложницы Цзи. Разве он посмел бы тебя покалечить?

— Братец, тебе легко говорить, когда палки не ложились на твою спину! Ай, полегче! — взвизгнула Сунь Мэй.

Служанка тут же откликнулась:

— Слушаюсь, госпожа.

Пробормотав про себя пару ругательств, Сунь Мэй спросила Сунь Юя:

— Что сказала тётушка? Неужели на этот раз не выйдет заставить ту стерву Цинь Цзюнь отведать горького?

— Зови Драгоценной наложницей Цзи. Конечно, не выйдет. Шестая принцесса осыпана милостями, в задворках её только и делают, что превозносят, кто посмеет её наказать? — ответил Сунь Юй.

— Значит, эти побои я перенесла зря?! — взорвалась Сунь Мэй. — Не потерплю! Цинь Цзюнь завела наложницу, порочит имя императорского дома! Что, если все знатные девицы в столице последуют её примеру? Почему император её не карает?

Сунь Юй лишь недоумённо пожал плечами:

— Завести наложницу — что тут такого? Это не преступление, не нарушение законов. Разве что осудят за недостаток добродетели, и всё. Чего ты ещё хочешь?

Сунь Мэй вдруг вспомнила:

— Она же занимается полировкой зеркал! С такой репутацией какой мужчина захочет взять её в жёны?

— Ты видела, как она близка с этой наложницей? — спросил Сунь Юй.

— Нет... Но ради рабыни она не побоялась прогневить меня и других знатных девиц. Думаю, та девушка для неё не простая, — рассудила Сунь Мэй.

Сунь Юй уже собирался что-то сказать, как вдруг за бумажным окном мелькнула чёрная тень. Он замер, протирая глаза.

— Братец! Я с тобой разговариваю!

— О чём тут говорить? — раздражённо бросил Сунь Юй. — Раз у тебя нет доказательств, всё это — пустые слухи! Зато твоё неуважение к принцессе — факт налицо! Сейчас ты присматриваешься к наследнику Вэйского гуна. Если не будешь осторожна, сама разрушишь эту партию!

Тем временем Цзи Сы, притаившаяся на крыше, увидела, как мимо проходит стража резиденции великого наставника. Ухватившись за карниз, она перекатилась на другую сторону кровли, скрываясь от чужих глаз.

— Не может быть! — донёсся изнутри возмущённый крик Сунь Мэй, и вновь раздалось рыдания. — Вэйский гун? Да его сын и мечтать не смеет меня отвергнуть! Ай, больно! Пошла вон, дрянь!

Сунь Юй окончательно вышел из себя:

— Мне нечего тебе больше сказать. В первый месяц оставайся дома и залечивай раны. Никаких пиров и приёмов.

— Братец!

— Таково решение отца!

В покоях воцарилась тишина, вскоре нарушаемая лишь всхлипываниями Сунь Мэй.

Цзи Сы, дождавшись, когда все удалятся, выждала ещё немного, затем, собрав ци, щёлкнула пальцем по шее Сунь Мэй. Та мгновенно потеряла сознание.

Цзи Сы спрыгнула с крыши, проникла в комнату через окно, обыскала покои Сунь Мэй, забрала нефритовую подвеску с Золотым Вороном и скрылась.

—

— Отец, Линь Пинь — вовсе не наложница. Это несчастная девушка, которую я спасла и оставила при себе в услужении. Знатные девицы, завидуя её красоте, распускают гнусные слухи, — оправдывалась Цинь Цзюнь.

Цинь Бянь смотрел на неё:

— Правда?

— Конечно, правда! Разве могу я заводить наложниц?! — громко и негодуя возразила Цинь Цзюнь. — Ваша дочь даже чувствует себя обиженной!

— Покойная матушка оставила мне четырёх служанок: Тао, Ли, Син и Лю. Двоих уже нет. Я наконец обрела девушку, с которой мне удобно, и теперь должна прогнать её из-за пустых пересудов? — продолжала она.

— Кто говорил, что ты должна её прогнать? — взгляд Цинь Бяня неизменно смягчался, когда речь заходила о покойной императрице. — Тао, Ли, Син, Лю... Если бы Ли и Лю вышли замуж и обзавелись детьми, им было бы сейчас столько же, сколько и тебе. Они были преданы твоей матери, и я хотел оставить их тебе, но... не сумел сберечь этих верных слуг.

Цинь Цзюнь обняла отца за плечо:

— Отец, Цзюнь снова заставила тебя печалиться.

Цинь Бянь похлопал её по руке:

— Ничего. Пора тебе кое-что узнать. Твоя мать оставила тебе пятерых слуг и один меч. Мне не велела на них смотреть. Всё хранится в верхнем зале библиотеки. Ступай и отыщи сама.

Цинь Цзюнь блеснула глазами:

— Поняла.

Дело, казалось, шло к завершению. Цинь Цзюнь улыбнулась, подала отцу сладости и спросила:

— А насчёт истории на сливовом пиру, отец всё ещё намерен меня наказывать?

Цинь Бянь усмехнулся:

— А ты как полагаешь?

Цинь Цзюнь наивно улыбнулась:

— Наказать Сунь Мэй — справедливо. Если же накажете меня, это только порадует иных.

Цинь Бянь фыркнул:

— Становись хитрой. Но ту служанку... как её... Линь всё же надо проучить, иначе не унять толки.

— Я уже наказала её. На сей раз во дворец я её не взяла, велела остаться и обдумать свой проступок, — ответила Цинь Цзюнь.

Цинь Бянь покачал головой:

— Эх, ты... Вели подать обед. Останешься сегодня со мной в императорском кабинете.

Цинь Цзюнь кивнула:

— Хорошо.

В этот момент служанка из Павильона Величия Феникса передала приглашение от Драгоценной наложницы Цзи на семейный ужин в честь праздника фонарей.

Цинь Бянь ответил:

— Откажи. Сегодня я проведу праздник с Цзюнь.

Цинь Цзюнь мягко улыбнулась и сказала служанке:

— Передай от меня госпоже наилучшие пожелания к празднику.

—

Во Дворе Бамбука Цзи Сы налила воды и принялась снова и снова отмывать нефритовую

подвеску с Золотым Вороном.

Дядюшка Ван, зная, что у Цзи Сы вскоре должен начаться приступ, отослал всех слуг. Во всём Дворе Бамбука остались лишь Син'эр, Цзи Сы, Дядюшка Ван и Сун Вэньчжоу.

— Госпожа, — осторожно окликнул Дядюшка Ван, — господин Фэй просит противоядие.

Цзи Сы словно не слышала:

— Я потеряла подвеску. Она наверняка в гневе.

Дядюшка Ван успокоил:

— Вы же вернули её. Госпожа и не знает, что вы оставляли подвеску у другой.

— Кто смеет прикасаться к её вещам?! — внезапно вспыхнула Цзи Сы. — Грязь!

Дядюшка Ван поспешил согласиться:

— Так, так...

— И я грязна, — сжала пальцы Цзи Сы. — Я рабыня, опозорившая её имя.

Дядюшка Ван попытался возразить:

— Госпожа, не унижайте себя так.

— Я рабыня! Мне и положено быть низкой!

Дядюшка Ван замолчал.

Что ж, в приступе она ругала даже себя.

— Этот Фэй...

Цзи Сы поднялась. В гневе её брови и глаза пылали, чёрные волосы струились, как атлас, а лицо было пугающе прекрасно. Она медленно тронула уголки губ.

— Что же, он ещё не умер от боли? Вон!

—

Авторское примечание:

Опаздываю, опаздываю! Благодарю всех, кто поддерживал меня с 20.12.2021 18:00:35 по 21.12.2021 18:56:14, голосуя или орошая живительной влагой!

Спасибо бросившим гранаты: Сяо Лай Шуань Цзуй, Ши Юйюань На, 24987802 — по одной.

Спасибо оросившим живительной влагой: Бе Чжоу Лян — 10 флаконов; Ся Мо — 7 флаконов; Юньь Дуань Вэй Чэнь, Цзы Юй, Ши Юйюань На — по 5 флаконов; Лэ И, То — по 2 флакона.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я буду стараться!

Глава двадцать четвёртая

Кошмар

—

Праздник фонарей — ещё одно великое торжество первого месяца. Вся Верхняя столица утопала в огнях, прекрасных сверх всякой меры.

Цзи Сы очнулась во тьме. Она опустила голову, руками стала ощупывать своё тело. Конечности были коротки, голос тонок, а кожа, к которой прикасались её ладони и пальцы, вся горела от укулов.

При тусклом свете луны она задрала штанину, обнажив голень, покрытую синяками.

— Мама... Мама, мама... — заплакала Цзи Сы.

Картина внезапно переменилась. Цзи Сы сжимала в руке маленький кинжал и в персиковом саду без устали рубила, рубила, рубила им.

Среди буйного цветения персиков возникла женская фигура в роскошных парчовых одеждах. Лица разглядеть было нельзя, лишь слышался непрерывный кашель — казалось, она была слаба и болезненна.

Цзи Сы, лицо её было испачкано землёй, которую пот превратил в грязь, обернулась и радостно посмотрела на неё:

— Мама!

Маленькая Цзи Сы бросилась к женщине:

— А где братик?

Женщина закашлялась так сильно, что, прижав руку к груди, бессильно рухнула на землю.

— Госпожа! — мигом множество служанок ворвались в сад, оттолкнули маленькую Цзи Сы и бросились поднимать женщину.

Кровь растеклась у её ног, заколебалась, словно рябь, и небо с землёй изменили цвет.

Множество персиковых цветов обратилось в погребальные монеты, а яркое пёстрое небо — в мрачные погребальные сумерки.

Служанки заголосили в скорби:

— Госпожа!

— Мама! — вдруг Цзи Сы очнулась от кошмара и резко села на ложе.

— Ты проснулась?

Свет свечи разогнал тьму, и рядом раздался голос.

Цзи Сы, вся в поту, обернулась и увидела Цинь Цзюнь, державшую в руках белый платок. Взгляд Цзи Сы был отсутствующим, зрачки сузились — явно она ещё не вполне пришла в себя после ужаса сна.

— Не бойся, — Цинь Цзюнь вытерла ей пот, влажным тёплым платком осторожно проводя по вспотевшему лбу Цзи Сы. — Ты проспала целый день.

Взгляд Цзи Сы вновь обрёл фокус. Внезапно она протянула руку, схватила Цинь Цзюнь за запястье и рванула её к себе на ложе.

<http://bllate.org/book/16274/1465205>